

Как все советские патриоты, я работал, на многое закрывая глаза. Я слишком долго молчал. Мне было трудно рвать последние связи не с вашим обреченным режимом, а с остатками старой ленинской партии, в которой я пробыл без малого 30 лет, а вы разгромили ее в три года. Мне было мучительно больно лишаться моей Родины.

Чем дальше, тем больше интересы вашей личной диктатуры вступают в непрерывный конфликт и с интересами рабочих, крестьян, интеллигенции, с интересами всей страны, над которой вы измываетесь как тиран, дорвавшийся до единоличной власти.

Ваша социальная база суживается с каждым днем. В судорожных поисках опоры вы лицемерно расточаете комплименты «беспартийным большевикам», создаете одну за другой привилегированные группы, осыпаете их милостями, кормите подачками, но не в состоянии гарантировать новым «калифам на час» не только их привилегий, но даже права на жизнь.

Ваша безумная вакханалия не может продолжаться долго. Бесконечен список ваших преступлений. Бесконечен список ваших жертв, нет возможности их перечислить.

Рано или поздно советский народ посадит вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов.

17 августа 1939 г.

М. А. ШОЛОХОВ **О простом слове**

В 1933 году враги народа из краевого руководства бывшего Азово-Черноморского края — под видом борьбы с саботажем в колхозах — лишили колхозников хлеба. Весь хлеб, в том числе и выданный авансом на трудодни, был изъят. Многие коммунисты, указывавшие руководителям края на неправильность и недопустимость проводимой ими политической линии, были исключены из партии и арестованы.

В колхозах начался голод. Группа партийных работников северных районов Дона обратилась с письмом к товарищу Ста-

лину, в котором просила расследовать неправильные действия краевого руководства и оказать ряду районов продовольственную помощь.

Через несколько дней от товарища Сталина была получена телеграмма: «Письмо получил. Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Назовите цифру».

В районах начали кропотливо считать, сколько понадобится хлеба, чтобы дотянуть до нового урожая. Снова было послано письмо с расчетами, выкладками и указанием необходимого количества продовольственной помощи для каждого района. В ответной телеграмме товарищ Сталин сообщил, какому району и сколько отпущено хлеба, и упрекнул за промедление: «Надо было сообщить не письмом, а телеграммой. Получилась потеря времени».

Тысячи честных колхозников были спасены от нужды. Люди, пытавшиеся уморить их голодом, впоследствии были расстреляны.

Обо всем этом, пожалуй, не было бы нужды вспоминать, если б не случай, происшедший вскоре в одном из колхозов. После того как распределили хлеб, отпущенный по распоряжению товарища Сталина, колхозники потребовали созыва общеколхозного собрания. Некоторые из них пришли на собрание сами, многих привезли на подводах, так как от голода и истощения они уже были не в состоянии ходить.

Выступления были короткими и собрание непродолжительным, но в конце его председатель колхоза — молодой, грамотный парень — предложил длинную резолюцию, в которой пространно и немножко выпендренно, сухим, казенным языком говорилось о том, как собрание благодарит товарища Сталина за оказанную помощь и какие обязательства ввиду этого оно на себя берет. А дальше шло перечисление: в сжатые сроки провести весенний сев, увеличить яровой клин, расширить животноводческое хозяйство и пр. и пр. Словом, зачитанная председателем резолюция по форме ничем не отличалась от всякой другой резолюции. Председатель хотел было ставить ее на голосование, но к столу президиума, неуверенно и медленно шагая, подошел колхозный кузнец и попросил слова. Ему было 58 лет. Он видал всякую жизнь: и хорошую и плохую. У него была большая семья. В прошлом году он выработал больше шестисот трудодней.

Двое младших детей его и жена вторую неделю не поднимались с постели. Он стоял и, заметно волнуясь, поглаживал большой, черной от железа рукой коротко остриженную, седеющую щетину волос на голове. Собрание терпеливо ждало, когда он начнет говорить.

— Ничего этого не надо, — наконец негромко сказал он, положив руку на мелко исписанные листки резолюции. — Надо написать Сталину одно словечко — спасибо. Он все поймет...

В этот день впервые за три года существования колхоза была отклонена предложенная председателем резолюция и принята самая короткая из всех ранее принимавшихся: «Спасибо товарищу Сталину».

Бывает же так, что одно, идущее от сердца и сказанное вполголоса слово заменяет все другие слова, особенно когда их много...

Вся наша великая страна могуществом и расцветом своим обязана партии и Сталину. Народ любит своего вождя, своего Сталина, простой и мужественной любовью и хочет слышать о нем слова такие же простые и мужественные. Но, мне кажется, некоторые из тех, кто привычной рукой пишет резолюции и статьи, иногда забывают, говоря о Сталине, что можно благодарить без многословия, любить без частых упоминаний об этом и оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами.

21 декабря в каждой семье день начнется по-разному. Но я совершенно точно знаю, как он начнется у колхозного кузнеца. Еще до рассвета, при огне старик досиня выскоблит бритвой щеки, наденет новую рубашку, праздничный сюртук и суконные брюки с выцветшими от старости нитками на швах. К завтраку из соседнего хутора приедет с женой его старший сын, работающий в МТС бригадиром тракторной бригады. Всей большой семьей сядут за стол. Хозяин в торжественной и строгой тишине нальет всем взрослым по рюмке водки, скажет:

— Нынче Сталину стукнуло шестьдесят годков. Хороший он человек. Дай бог ему побольше здоровья и еще прожить на белом свете столько, сколько прожил!

Потом в молчании они подумают о том, как нелегко, должно быть, живется Сталину, как много больших и трудных забот о народе лежит на его плечах.

И только после этого за столом начнется разговор о политике, о хлебе, что причитается на трудодни, о всходах озимой пшеницы и о видах на будущий урожай.

*Станица Вешенская,
20 декабря 1939 г.*